

Алмакаева Ирина Александровна, Васильчикова Татьяна Николаевна

"Я" И "ДРУГОЙ" В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО "БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ": К ПРОБЛЕМЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОДЛИННОГО ЕДИНЕНИЯ ЛЮДЕЙ

В статье поставлена проблема поиска Ф. М. Достоевским путей к подлинному единению людей на основе христианского гуманизма в романе "Братья Карамазовы". Методологическая концепция статьи связана с теорией полифонизма М. М. Бахтина, которая оказала воздействие на ряд современных философских направлений, языкознание и теорию коммуникации. Исследование диалогической речи персонажей романа показывает ее эффективность в области филологического анализа текста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. I. С. 17-22. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

7. **Gärtig A.-K., Plewnia A., Rothe A.** Wie Menschen in Deutschland über Sprache denken: Ergebnisse einer bundesweiten Repräsentativerhebung zu aktuellen Spracheinstellungen. Mannheim: Institut für deutsche Sprache, 2010. 309 S.
8. **Hoenigswald H.** A Proposal for the Study of Folk-Linguistics // Sociolinguistics. The Hague: De Gruyter, 1966. P. 16-26.
9. **Lehr A.** Sprachbezogenes Wissen in der Lebenswelt des Alltags. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2002. 485 S.
10. **Löffler H.** Dialektologie: eine Einführung. Tübingen: Narr, 2003. 158 S.
11. **Löffler H.** Zu den Wurzeln der Perceptual Dialectology in der traditionellen Dialektologie. Eine Spurensuche // Anders C. A., Hundt M., Lasch A. Peceptual Dialectology. Neue Wege der Dialektologie. Berlin: De Gruyter, 2010. S. 31-49.
12. **Molitor E.** Sprachgefühl und Sprachbewußtsein am Beispiel des Subjonctif nach aprè que: eine empirische Untersuchung. Göttingen: Peust & Gutschmidt, 2000. 136 S.
13. **Neckvapil J.** Sprachbiographien und Analyse der Sprachsituation: zur Situation der Deutschen in der Tchechischen Republik // Leben mit mehreren Sprachen: Sprachbiographien. Bern: Peter Lang, 2004. S. 147-172.
14. **Németh A.** Dialekt, Sprachmischung und Spracheinstellungen: am Beispiel der deutscher Dialekte in Ungarn. Tübingen: Narr, 2010. 246 S.
15. **Niedzielski N. A., Preston D. R.** Folk linguistics. Berlin: De Gruyter, 2003. 375 p.
16. **Preston D. R.** A Language Attitude Approach to the Perception of Regional Variety // Handbook of Perceptual Dialectology. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999. Vol. 1. P. 359-373.
17. **Schütz A., Luckmann T.** Die Strukturen der Lebenswelt. Neuwied-Darmstadt: Luchterhand, 1975. 331 S.
18. **Schütz A.** Theorie der Lebensformen. Frühe Manuskripte aus der Bergson-Periode. Frankfurt a/M: Suhrkamp, 1981. 341 S.
19. **Werlen E.** Variation in der Feldforschung: Triangulation // Vom Umgang mit sprachlicher Variation. Soziolinguistik, Dialektologie, Methoden und Wissenschaftsgeschichte. Tübingen – Basel: Francke, 2000 S. 99-110.

GERMAN PERCEPTUAL DIALECTOLOGY

Aleksandrov Oleg Anatol'evich, Ph. D. in Philology
Rikhter Stefani Olegovna
National Research Tomsk Polytechnic University
aleksandrov@tpu.ru

The authors by the example of the German foreign dialectology consider the topical tendencies in modern world linguistics, mention the growing interest of linguists to the questions of everyday perception of a language after increasing influence of psychology and sociology on linguistic discipline, give the short excursus to the history of naive linguistics formation, basing on the synthesis of modern foreign sources demonstrate the range of scientific problems, developed in perceptual dialectology, and tell that the work is of interest to specialists engaged in the research of language oral forms, and search for new linguistic approaches and methods.

Key words and phrases: tendencies of modern linguistics development; perceptual dialectology; “naive” or “popular” linguistics.

УДК 8

Филологические науки

В статье поставлена проблема поиска Ф. М. Достоевским путей к подлинному единению людей на основе христианского гуманизма в романе «Братья Карамазовы». Методологическая концепция статьи связана с теорией полифонизма М. М. Бахтина, которая оказала воздействие на ряд современных философских направлений, языковедение и теорию коммуникации. Исследование диалогической речи персонажей романа показывает ее эффективность в области филологического анализа текста.

Ключевые слова и фразы: Ф. М. Достоевский; роман «Братья Карамазовы»; дискурс; я и другой; речеповедение субъектов; полифоничность текста; языковая коммуникация; персонализм; равноправные сознания; неслиянные голоса; унисонный диалог; христианская гуманность.

Алмакаева Ирина Александровна

Васильчикова Татьяна Николаевна, д. филол. н., доцент
Ульяновский государственный университет
sotisisida@yandex.ru; vasilchikova5@mail.ru

«Я» И «ДРУГОЙ» В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»: К ПРОБЛЕМЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОДЛИННОГО ЕДИНЕНИЯ ЛЮДЕЙ[©]

Определяя основную особенность поэтики романов Достоевского и отличие их от европейского, «в основном монологического (гомофонического) романа», М. М. Бахтин пишет: «Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов действительно является основной особенностью романов Достоевского. Не множество характеров и судеб в едином объективном мире в свете единого авторского сознания развертывается в его произведениях, но именно множественность равноправных сознаний с их мирами сочетается здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события [4, с. 6-7].

Проблема языковой коммуникации персонажей романов Достоевского как главного средства раскрытия характеров и в конечном итоге – идейного смысла произведения пока не нашла исчерпывающего рассмотрения. Школа Бахтина заложила основы современных теорий коммуникации, семиотики, теорий текста. Ученый, как это свойственно человеку неординарного мышления, посмотрел на речь в ее монологическом и диалогическом выражении с особой стороны и увидел ее в новом свете. Начало этого открытия не случайно связано именно с творчеством Достоевского, у которого ученый обнаружил новую форму диалогической речи, поэтому все дальнейшие обращения к данной научной проблеме не могут пройти без учета этого открытия.

Теория полифонизма Бахтина имеет далеко идущие научные последствия, касается не только филологических исследований. Более того, Бахтин стоит у истоков формирования новой концепции бытия и личности, наметившейся в гуманитарном знании, так называемой некартезианской парадигмы. Классическая научная парадигма, названная по имени Рене Декарта «картезианской», основана на противопоставлении двух начал – материального и духовного, признании дуализма души и тела. Некартезианская парадигма не ставит жесткой границы между духовным и телесным, субъектом и объектом, допускает их диалогическое взаимодействие и взаимовлияние. Личность представляет собой содержание, центр и единство актов, интенционально направленных на другие личности. «Многие современные определения личности опираются на понятия диалогической (некартезианской) парадигмы, основы которой связаны с концепцией М. Бахтина. Каждому субъекту принадлежит объект, каждой личности принадлежит другая личность, всякому –Я» принадлежит –ТЫ». Человеческий индивид, наделенный волей и стремлением, соединен с другими такими же индивидами, обладающими своей манерой обращения, высказывания, поведения (в том числе и речевого)» [7, с. 186]. Коммуникативная личность неоднородна, может включать различные роли (или голоса), при этом сохраняя свою *идентичность*. Психологи, воспринявшие диалогизм Бахтина, пишут о «многоголосии» личности. Рассуждая о роли «Другого» в формировании самосознания личности, Н. Д. Арутюнова замечает: «Философский аспект проблемы –Другого» приобрел особую значимость в концепциях экзистенциализма, изменившего подход к личности с социального на личностный. М. Хайдеггер определил личность человека через апелляцию к значению: –Я есть то, что я говорю. Человек представляет собой не только существо говорящее, но и означающее, если Другой способен воспринимать, что возможно только с помощью речи. Из того, что мои действия меня проецируют вовне и осмысливаются Другим, следует, что я и есть язык»» [1, с. 647]. Э. Бенвенист использовал концепцию «Другого» в своем определении понятия речевого высказывания. Его теория языка переключает внимание с социальной функции речи на личностную. Этому посвящена статья «О субъективности в языке». Язык – возможность выразить себя, а не только установить социальные контакты. Но человек не только говорящее, но и значащее существо, и его значение раскрывается только в контакте с «Другим». Осознание себя возможно только в противопоставлении. Я могу употребить «я» только при обращении к кому-то, кто в моем обращении предстанет как «ты». Подобное диалогическое условие и определяет лицо, т.к. оно предполагает такой обратимый процесс, когда «я» становлюсь «ты» в речи кого-то, кто в свою очередь обозначает себя как «я» [3, с. 293-294]. Таким образом, «Я» и «Другой» взаимосвязаны, полная реализация «Я» происходит только в речевом контакте с «Другим», но это не означает их идентификации. Для человека адекватного факт существования «Другого» не означает, что тот может слиться с его существом, стать ему идентичным. Нарушение этого в случае Ивана Карамазова, когда он вступает в речевой контакт с другой сущностью, которая отделилась от него, но является частью его самого и знает о нем все, – это сигнал измененного состояния личности, психического расстройства. В обычных случаях отдельные личности образуют значимые миры, сосуществующие друг с другом и способные входить между собой в семиотические отношения, но неспособные входить друг в друга. Всегда остается различие «своего» и «чужого». Контакт личностей как в реальности, так и в художественном тексте – это живое взаимодействие, которое определено коммуникативной целью, той или иной модальностью, имеет результат.

Важно отметить, что речевой контакт с «Другим» может протекать по двум основным сценариям: «Другой как Иной» и «Другой как Враждебный». Если в философских исследованиях акцент ставился на роли «Другого» (собеседника) в формировании «Я», то в филологических – большее внимание уделяется «Я» (говорящему). И, соответственно, его инициальным репликам. С инициальными высказываниями связана речевая инициатива: они программируют ответ. В ответных репликах отрабатывается речеповеденческая тактика реагирования. Тем самым «Я» – первый говорящий – инициатор (адресант) – формирует другого говорящего – адресата. Речеповеденческий потенциал адресата развивается под воздействием «фактора говорящего». Различные языковые роли, различные «неслиянные сознания» одной и той же коммуникативной личности в романе Достоевского «Братья Карамазовы» М. М. Бахтин рассматривает на примере диалога внутри личности Ивана Карамазова, где звучат два голоса, один из которых хотел бы смерти отца, другой – отвергает это тайное желание. Отражение первого голоса – в сознании Другого (Смердякова) – приведет к реализации этого скрытого желания в действии – убийстве Федора Карамазова. Принцип неслиянности голосов и множественности сознаний применен Достоевским не только в данном случае, а становится универсальным методом создания речеповеденческих реакций всех персонажей романа, как главных, так и второстепенных. Ярким примером могут послужить диалоги и спровоцированное ими речеповедение двух героинь-соперниц – Грушеньки и Катерины Ивановны. Их первую встречу-поединок наблюдает Алексей Карамазов, случайно заставший Грушеньку у Катерины Ивановны, куда она по просьбе «барышни» является, чтобы выяснить отношения и «разделить» спорный объект – Дмитрия Карамазова. Диалог соперниц дополнен авторским комментарием. Здесь впервые дается представление о внешней привлекательности Грушеньки, ее портрет конкретно-чувственный, почти осязаемый. Однако подлинная сущность портретом скорее скрыта, а не выражена, ее приоткрывает диалог. У каждой из

женщин два внутренних «неслиянных голоса», соответственно, каждая играет две различные речеповеденческие роли. Между собой они вступают в дискурс, имеющий двойной характер. Инициатива принадлежит хозяйке дома, которая подает инициальную реплику, сопровождая слова определенным поведением. Катерина Ивановна в этой своей первой роли великодушна, добра. Она восторженно приняла соперницу, угощает ее, восхищается ею, целует многократно – в губки, целует ее прелестную полную ручку. Таковую роль и поступки она как бы «навязывает» сопернице, принуждая и ее играть «в унисон». Но это не единственная роль Катерины Ивановны. Две роли и у Грушеньки. В первой роли – это счастливая и радостная женщина, не помнящая зла, все простившая обидчикам, это сама мягкость и очарование, до чрезмерности, до манерности и слащавости. Но у нее «приготовлена» и другая роль, она не станет играть то, что ей «навязывает» Другой, в котором видит врага. Диалог принимает неожиданный и диссонансный характер. Неприятно поражая свою собеседницу, «адресата», она «распрямляется» и начинает играть гордую, страстную, строптивую и даже насмешливо-нагловатую женщину. Тем самым она спровоцирует и Катерину Ивановну на другую роль. Нельзя сказать, где здесь она сама, так как это два из возможного множества ее «неслиянных голосов». Происходит изменение сознания и речеповедения и у Катерины Ивановны. В финале сцены перед нами как бы другой человек – разъяренная ревнующая женщина, ненавидящая ту, руку у которой только что с умилением целовала. Сцена построена симметрично – теперь ручку у Катерины Ивановны хочет поцеловать ее соперница. Хочет, но не делает этого, так как теперь у нее уже другая роль, другой голос и другое речеповедение:

«А знаете что, ангел-барышня, – вдруг протянула она самым уже нежнейшим и слащавейшим голоском, – знаете что, возьму я да вашу ручку и не поцелую. И она засмеялась маленьким развеселым смешком.

– Как хотите... Что с Вами? – вздрогнула вдруг Катерина Ивановна.

– А так и оставайтесь с тем на память, что вы-то у меня ручку целовали, а я у вас нет.

Что-то вдруг сверкнуло в ее глазах. Она ужасно пристально глядела на Катерину Ивановну.

– Наглая! – проговорила вдруг Катерина Ивановна, как бы вдруг что-то поняв, вся вспыхнула и вскочила с места. Не спеша поднялась и Грушенька.

– Так я и Мите сейчас перескажу, как вы мне целовали ручку, а я-то у вас совсем нет. А уж как он будет смеяться!

– Мерзавка, вон!

– Ах, как стыдно, барышня, ах, как стыдно, это вам даже и непристойно совсем, такие слова, милая барышня.

– Вон, продажная тварь! – завопила Катерина Ивановна. Всякая черточка дрожала в ее совсем искаженном лице.

– Ну, уж и продажная. Сами вы девицей к кавалерам за деньгами в сумерки хаживали, свою красоту продавать приносили, ведь я же знаю.

– Ее нужно плетью, на эшафоте, чрез палача, при народе!

Алеша попятился к дверям» [6, с. 177-178].

Этот второй голос – полная противоположность первому – умиленному, который услышал Алеша от этой же самой, казалось бы, женщины несколько минут назад, войдя в комнату. Обе женщины в итоге обнаружили вторую свою сходную роль – ненавидящих, злобных. Одна торжествует свою «победу», унизив соперницу, другая – в ярости готова убить ее. При внешнем различии голоса победительницы и побежденной, несомненно, что от христианского прощения и кротости далеки обе. Не случайно Алеша, вчерашний инок, – «попятился к двери», смущенный как игриво-насмешливым предложением Грушеньки «проводить ее», так и яростью, злобой и гордыней потерявшей самообладание побежденной ее соперницы.

Взаимное и сознательное непонимание, неприятие «Другого» основано у обеих на гордости. Грушенька мстит за свое жизненное унижение, которое пережила раньше. Катерина Ивановна горда от природы, не умеет ни забывать, ни прощать. Обеим недостает великодушия, христианского отношения к другому человеку. Подлинная коммуникация не состоялась, так как нет необходимых ее условий. О возможности личности отказаться от самой себя, выйти за свои пределы, чтобы открыться «Другому», говорит современная философия. Основоположник философии персонализма, современный французский философ-католик Эмманюэль Мунье (1905-1950) решает центральную проблему своей философской системы – проблему личности и ее универсального развития – как проблему создания подлинной коммуникации и подлинно коммуникативной личности. Для обоснования своей концепции он, в частности, обращается к творчеству Достоевского. В работе «Персонализм», в главе II «Коммуникация», он рассуждает о возможности личности выйти за собственные пределы, действовать в интересах «Другого» и в согласии с ним. «Личность есть существование, способное отсоединиться от самого себя, отказаться от самого себя, ~~рас~~секретить” себя, чтобы открыться ~~другому~~”. Диалектика личностного общения включает и «понимание и умение взять на себя ответственность за ~~Другого~~”, разделить с ним его огорчения, его радости и заботы. Надо не ограничиваться собственной точкой зрения, уметь принять позицию ~~другого~~”. Это не значит искать себя в ~~другом~~”, тебе подобном, не значит это и постигать ~~другого~~” вообще (психология настойчиво игнорирует ~~другого~~”). Это значит соединять наши отличные друг от друга позиции в ни с чем не сравнимой согласии» [8, с. 40]. Философ доказывает, что подлинная коммуникация возможна при ряде условий, решающими из которых являются прощение, доверие, великодушие: «Живительная сила личностного порыва заключена не в материальных притязаниях (мелкобуржуазный индивидуализм), не в устремленности к смерти (экзистенциализм), а в бескорыстном великодушии, в щедрой и безвозмездной самоотдаче. Великодушие, даже если оно не получает отклика, разрывает круг одиночества, расшатывает инстинкты,

ставит под сомнение выгоду и расчет, предлагая –другому” достойные его внимания ценности. Отсюда понятна очистительная сила прощения и доверия. Великодушие терпит поражение только перед лицом ненависти, которая кажется более загадочной, чем расчетливость, является прямой противоположностью бескорыстию» [Там же, с. 40-41]. Героини Достоевского далеки от таких взаимоотношений, и «Другой» для каждой враждебен. Их диалог становится поединком и не приобретает характера подлинной коммуникации: «Катерина Ивановна вскрикнула и бросилась было на нее, но ее удержал всею силою Алеша» [6, с. 178]. Кажется странным, что Грушенька одерживает явную психологическую победу над своей соперницей, несмотря на все социальные преимущества Катерины Ивановны – обеспеченность, доброе имя, положение в обществе. В новом диалоге внимание переключено с социального на экзистенциальное. В этом плане Грушенька как личность оказывается сильнее своей соперницы. Она более свободна в выборе позиции, и ей нечего терять. Таким образом, в первом диалоге Катерины Ивановны и Грушеньки инициатором диалога выступает первая из женщин. Она программирует ответ, которого ждет от Грушеньки, – отказаться от Дмитрия, оставить его. Но тут возникает особенность, присущая диалогам Достоевского. Внутри каждого персонажа существует не один, а множество субъектов, «равноправных и неслиянных» внутренних голосов одной и той же личности. Получается диалог, который можно условно назвать перекрестным. Введенная в заблуждение обманчивой слащавой «мягкостью» соперницы, Катерина Ивановна программирует голос Груши, который должен быть созвучен ее собственному. Но коммуникация состоится с Другим голосом Грушеньки – голосом дерзкой, уверенной и насмешливой соперницы, которая уже одержала победу и не уступит ее. Диалог продолжается, и теперь уже инициатором выступает Грушенька, которая программирует иную речь и иное речеповедение своей соперницы, созвучное ее собственному. И ей это удается. От первых ласковых слов и действий до последнего намерения – убить, уничтожить – проходит несколько минут. Кажется невероятным, чтобы один и тот же человек мог так измениться. Но фактически здесь выступают два сознания одного и того же человека. Необходимое условие многоголосия при этом – сохранение идентичности личности. Можно наблюдать, что впавшая в ярость Катерина Ивановна близка к пределу, к потере контроля над собой. Но выход за пределы себя в этом случае не означает подлинной коммуникации, она готова убить Другого, а не великодушно примириться с ним. Среди персонажей романа Катерина Ивановна – наиболее негармонична, ее «неслиянные сознания» полярны и почти взаимоисключают друг друга. В этом отношении ее превосходит только Иван Карамазов, в котором голос Другого отделится от его носителя и материализуется в виде его страшного Посетителя. Неслиянность двух сознаний и голосов одной личности выражены и в речеповедении Лизы Хохлаковой. Она постоянно, еще с первой встречи у старца Зосимы, старается привлечь внимание Алексея Карамазова, «выманить» из-под рясы инока его другое «Я» и смущает его своей насмешливостью и проказами. Но это только одна ее роль. Во второй роли она принимает у себя без ведома матери Ивана Карамазова и передает ему записку с Алексеем. В ней, еще полуребенке, вступают в противоречие два «неслиянных сознания» – девочки в состоянии первой влюбленности и девушки, уже вполне способной к греховным помыслам и даже поведению. Лиза одновременно старается и оттолкнуть, и привлечь. Отсюда истерики. Глава о ней не случайно называется «Бесенок». Эта девочка – изломанная и болезненная натура, ее привлекают изломы человеческой психики. Она может и сострадать несчастному и замученному ребенку, о котором она рассказывает, и испытывать сладострастное чувство наслаждения его муками. Эта раздвоенность голосов и ролей мучительна для нее самой. В этом почти ребенке уже сталкиваются две силы, и даже, видимо, начинает побеждать зло. Но, оставшись одна после ухода Алексея, она прищемит свой палец до крови в наказание себе, повторяя: «Подлая, подлая!». Общение литературных героев, как и в реальной жизни, всегда преследует определенную цель. В зависимости от того, какова она, можно выделить различные жанры общения, которым соответствует в каждом случае свой тип диалога. В романе «Братья Карамазовы» соперницы используют «диалог, имеющий целью установление или регулирование межличностных отношений» [1, с. 650]. По мнению А. Р. Балаяна, такой тип диалогической речи имеет различные формы, «распределенные между унисоном и диссонансом» [2]. Унисон имплицитно подразумевает искреннее признание и взаимные комплименты, что и наблюдалось в начале диалога соперниц. Диссонанс принимает форму ссор и выяснений отношений, чем и заканчивается диалог соперниц. На почве диссонансного диалога «формируются –еудейские” пропозициональные установки, такие как обвинение и оправдание, разоблачение и прощение, претензии и упреки. Официальной формой такого диалога является судебное расследование, вырожденной формой – скандалы, пикировка, говорение колкостей, перебранка» [1, с. 652]. С точки зрения христианского гуманизма диссонансный диалог – несостоявшийся. В перебранке не может быть великодушия, приятия Другого. Состоявшийся диалог должен привести к взаимопониманию, доверию. Состоявшийся диалог между Грушенькой и Катериной Ивановной был бы в том случае, если бы их внутренние голоса-сознания совпали. «Добрый» должен был вызвать «Добрый» голос собеседницы. Но получилось не так: «Добрый» вызвал голос «Злого Другого», не того, к кому обращался. В первом диалоге это имеет объяснение. Катерина Ивановна преисполнена гордыни, она еще никого не любит, страдает от оскорбленной гордыни, а не от любви. Дмитрий нужен ей для мщения, для состязания, для личной победы, а не сам по себе. Она любит себя в Другом, а не Другого. Подлинное чувство Катерина познает в зале суда, когда испугается за Ивана и поймет, что ему грозит гибель. В пограничной ситуации она поймет, что гордыня заглушала в ней любовь к Ивану. Она, забыв о себе, лжет и клеветает, чтобы спасти Ивана. Она поступает в ущерб себе, ради Другого. Поведение Катерины Ивановны на суде, поразившее всех различие ее первого и второго показания на самом деле вполне закономерно. Действует та же схема, что и в первой сцене с Грушенькой, – является Первый голос – доброй и благородной, прощающей, но под влиянием истинного чувства проснется другое сознание и другой голос – и она сознательно, ради любви к Ивану погубит

невиновного человека. Представленная ею улика – письмо Дмитрия – станет последним (и ложным, как и все прежние) доказательством его вины. Голос Другого – «Злого» и в этом случае вызывает действия, меняет ход событий. Слово материализуется. Она только сказала, но человек погиб. «Погубила тебя твоя змея», – совершенно справедливо кричит Дмитрию Грушенька.

Понять, отдавать себя, быть великодушным – этих качеств христианского диалога нет в коммуникации как в первой сцене, так и в сцене суда. А следовательно, нет и достигнутой цели, которая определяется как диалектика личностного общения, которая приумножает и укрепляет бытие каждого, вступающего в него. Бытие же вступающего в диссонансный диалог – Катерины Ивановны, Ивана Карамазова, Лизы Хохлаковой – не «укрепляется», а иссушается и страдает. Закономерно, что все носители диссонансных голосов терпят ущерб физического и душевного здоровья. Из зала суда выносятся не только впавшего в слепую ярость Ивана, но и бьющуюся в истерике Катерину Ивановну. Лиза – больна и несчастна. Следовательно, для того чтобы состоялась личностная коммуникация, личность должна отразиться в Другом, то есть неизбежно выйти за пределы своих границ. Однако цель состоявшейся коммуникации между «Я» и «Другим» может быть диаметрально различной. Именно это мы и наблюдаем в сцене суда. Сначала цель коммуникации Катерины Ивановны, которая устанавливает ее с присутствующими, – оправдать Дмитрия, внушить всем, что он не может быть виновен. Эта ее первая роль – благородного и «хорошего» человека. Этот ее Голос рассказывает историю взаимоотношений с Дмитрием, не щадя ее саму. Она понимает, что может быть задета ее репутация, когда рассказывает, как ночью пришла к молодому офицеру просить денег для больного отца. Но все же говорит об этом. Во второй раз происходит смена ролей. Адресат при этом не меняется, то есть остается прежним состав суда и присутствующие. Во время своего первого выступления она произвела хорошее впечатление, вызвала доверие и сочувствие. И вдруг все ее показания в корне меняются. Но появляется ее второе Я, которое устанавливает коммуникацию с противоположной целью – очернить Дмитрия и погубить его. И эта цель фактически достигнута, именно письмо станет решающим «доказательством» его вины. Действуя таким образом, героиня забывает о себе, о своей пользе и выгоде, о своей репутации. Другой появляется из глубин личности самой героини. Ее второе Я – это женщина озлобленная, униженная, страстно ревнующая и ненавидящая как Дмитрия, так и «эту тварь» – Грушеньку. Появление этого второго голоса обусловлено ее чувством к Ивану Карамазову, которое она осознает по-настоящему, только увидя его в горячке и в состоянии крайней опасности. Бедственное положение Другого – в данном случае Ивана – и вызывает этот второй Голос.

При каждом новом обращении к проблемам творчества Достоевского не может не учитываться теория полифоничности М. Бахтина. При знакомстве же с этой теорией коммуникации меняется представление о семиотике всякого художественного текста. Таким образом, проблема речеповедения субъектов и объектов речи в романах Достоевского представляет интерес не только как самостоятельная научная проблема, но, что гораздо важнее, может определить методологию научного филологического исследования. Строя таким образом систему общения персонажей, Достоевский предвосхищает многие философские открытия современности. Коммуникативная личность включается в различные *дискурсы*. Отсюда признание взаимовлияния (межсубъектного взаимодействия) субъектов речи – «Я» и «Другого», понятие «Другого», необходимого для формирования самосознания человека, познания себя, своего образа «Я» и выстраивания правильных взаимоотношений, получают дополнительные параметры, открывают глубины личности. Но пределом познания личности М. М. Бахтин называет «мысль о Боге в присутствии Бога, диалог, вопрошание, молитву» [3, с. 7] и считает, что «бытие человеческой души нельзя познать с помощью категорий «вещного познания», потому что становление бытия – свободное становление. Этой свободе можно приобщиться, но связать ее актом познания нельзя» [Там же, с. 8]. Поэтому исследование обращено к «бытию выражения».

Идеальная и полная коммуникация, все признаки которой выделяет Э. Мунье, верующий философ-католик, в случае героев Достоевского является целью, которая так полностью и не достигается. В противном случае не было бы и убийства, ставшего основой сюжетной канвы романа. Звучание голосов происходит преимущественно в диссонансе, что делает невозможным осуществление унисонной коммуникации, а следовательно, подлинной взаимосвязи людей.

Однако поиск путей к настоящим взаимоотношениям неизменно проходит в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» через идеи христианского гуманизма: великодушие, милосердие, щедрую и безвозмездную самоотдачу. Сцена похорон Илюшечки – пример такой состоявшейся коммуникации. Неслиянные голоса в каждом из мучителей и гонителей Илюшечки, голоса жестоких, порочных, маленьких пока людей гармонизировались в единый голос сострадания и общей скорби. Но именно в общении Алеши со старцем Зосимой коммуникация по-настоящему состоялась. Так же как и в случае общения Зосимы с его посетителями. В результате старец оказывает действенную духовную помощь. Алеша, его ученик, гармонизирует отношения мальчиков и добивается пробуждения в них второго «Я» – голоса истинной человечности. Заново выстраиваются их отношения, они научились любить и сострадать.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Изд-е 2-е, испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Балаян А. Р. Основные коммуникативные характеристики диалога: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1971. 18 с.
3. Бахтин М. М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. 735 с.
4. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд-е 4-е. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.

6. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: Дрофа; Вече, 2002. 912 с.
7. Кашкин В. Б. Основы теории коммуникации. М.: Восток-Запад, 2007. 256 с.
8. Мунье Э. Персонализм. М.: Искусство, 1992. 143 с.
9. Прихода И. В. Истоки диалогичности М. М. Бахтина: полифонический роман Ф. М. Достоевского // Альманах современной науки и образования. 2011. № 3. С. 235-238.
10. Статеева Е. В. Роль коммуниканта-медиатора в художественном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6. Ч. 1. С. 198-202.
11. Шакуров Д. Л. Психоаналитические аспекты изучения русской литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6. С. 213-215.

**–I” AND –ANOTHER” IN NOVEL –THE BROTHERS KARAMAZOV”
BY F. M. DOSTOEVSKII: PROBLEM OF PEOPLE GENUINE UNITY PROBABILITY**

Almakaeva Irina Aleksandrovna
Vasil'chikova Tat'yana Nikolaevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Ul'yanovsk State University
sotisisida@yandex.ru; vasilchikova5@mail.ru

The authors pose the problem of finding ways by F. M. Dostoevskii to the genuine unity of people on the basis of Christian humanism in the novel –The Brothers Karamazov”. The methodological conception of the article is related to M. M. Bakhtin’s theory of polyphonism, which had an impact on a range of contemporary philosophical directions, linguistics and communication theory. The research of novel characters’ dialogic speech shows its effectiveness in the sphere of philological analysis of the text.

Key words and phrases: F. M. Dostoevskii; novel –The Brothers Karamazov”; discourse; I and another; speech behaviour of subjects; polyphony of text; language communication; personalism; equal consciousness; unmerged voices; unison dialogue; Christian humanism.

УДК 81’37=111

Филологические науки

Статья раскрывает специфику языкового поведения каузативного глагола let, который служит для образования синтаксического каузатива в английском языке. Глагол let представляет наиболее продуктивный тип синтаксического каузатива. Каузативное значение передается эксплицитно, с помощью глагольно-инфинитивных конструкций. На иллюстративном материале доказывается возможность употребления глагола в нескольких таксономических категориях – действие, деятельность, происшествие. Определен доминирующий тип каузации – дистантная.

Ключевые слова и фразы: категориальная парадигма; синтаксический каузатив; каузативное значение; таксономическая категория; контактная/дистантная каузация.

Баклагова Юлия Викторовна, к. филол. н., доцент
Кубанский государственный университет
liliann@mail.ru

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА СИНТАКСИЧЕСКОГО КАУЗАТИВА С ГЛАГОЛОМ LET®

Категория причинно-следственных связей представляет одну из ведущих онтологических категорий в научной картине мира. Термины «каузация» и «каузальность» обозначают причинно-следственную связь между двумя событиями реальной действительности/ситуациями (одна ситуация порождает другую), а термины «каузатив» и «каузативность» относятся к языковым средствам выражения каузации в системе глагола.

В качестве центрального критерия каузативности выделяется значение воздействия: «Значение воздействия субъектов, вызывающее изменения в предметах, предопределяющее появление новых ситуаций, называют в лингвистике каузативным» [1, с. 267].

В зависимости от средств выражения семантики каузативности различают лексический и грамматический каузатив. Лексический каузатив – это полнозначные глаголы, в семантическую структуру которых инкорпорирован компонент «каузировать», и которые выражают конкретные действия (*build* «строить», *create* «создавать», *destroy* «уничтожать» и др.). Грамматический каузатив – это морфологический и синтаксический каузативы. Морфологический каузатив – это морфологически производные каузативные глаголы. При синтаксическом каузативе смысл каузации выражен аналитическим глаголом с категориальным значением «побуждение к действию или состоянию».

В семантике каузатива ключевым является понятие каузативной ситуации или макроситуации. Каузативная ситуация включает такие компоненты как каузирующий субъект, каузирующее действие, отношение каузации, субъект каузируемого состояния, каузируемое состояние. Составляющими каузативной макроситуации